Глава 3

Каждый дюйм его тела был настороже. Само его существование кричало ему, чтобы он бежал. Он не принадлежал этому месту. Эта земля не была его землей, это была не земля, которая его сделала. Эта земля была незнакомой и странной; он принадлежал чему-то другому, и он просил убить его. Он чувствовал себя ужасно заметным, не зная, кто или что наблюдает за ним. Он не имел связи с этой скалой, не претендовал на камень под его когтями. Он был захватчиком, и в силу своего присутствия он предлагал себя добычей альфе этих земель.

Но ему нужно было взять это стадо. Он нуждался в его плоти, чтобы сохранить себя и свою новообретенную сестру в живых. Ему нужно было взять у другого, и ему нужно было жить. Риск был необходим. Это было бы нелегко, но это нужно было сделать.

Эти земли были для него чуждыми. Они не были равнинами, которые он знал, с открытой землей и светло-желтой травой внизу. Трава здесь была высокой и шелестела, когда он шел. Не было ни одного из скудных деревьев, растущих над головой, чтобы дать ему тень от солнца, ни тонкой, сорной травы вокруг поливных дыр, которая замедлила бы пульс и очистила яд от крови. Вместо этого здесь он увидел толстые кусты виноградной лозы, и куст иногда становился оазисом. Он не доверял этим странным растениям, с их густыми шипами, которые тонули в его меху и царапали его кожу с ужасным ухмыляющимся звуком.

В его собственных землях он был тихим, как змея, и быстрее любого другого существа. Здесь он чувствовал себя как неуклюжий дурак, прорываясь сквозь заросли с таким же шумом, как буря. Любой дурак, который жил здесь, мог бы услышать его. Даже воздух предал его; он был густым, душным и наполнен чужим запахом. Что еще хуже, он был подветренным. Кто бы ни принадлежал этим землям, слышал бы, как он пробирается через чертополох подлеска, и он не получит предупреждения.

Он был настороже; даже малейшее шуршание от ветра против высокой травы заставило его вздрогнуть. У него не было времени. Каждая секунда, проведенная здесь, была приглашением смерти. Он следил за добычей, но в то же время его отслеживали. Единственный вариант – охотиться и убить, уйти и убежать, прежде чем его поймают. Единственная проблема с этой перспективой заключалась в том, чтобы не умереть со своей добычей, если он будет слишком спешить.

Здесь не было мураков; следы, которые он видел, были доказательством более крупной жертвы: взрослый краул. Его мяса хватит, чтобы продержаться несколько недель, но с большей наградой появлялся больший риск. Его плечо было таким же большим, как и его голова, и его рога, попадя в сердце, мгновенно убили бы его. На его землях не было краулов, не говоря уже о таком большом. Это только усугубило то, что у него не было опыта охоты на них, но у него не было другого выбора. Он нуждался в этом убийстве, и он будет его. Он мог видеть по следам, что тот был ранен. Не только это, он еще был старым, и это - главная цель. Он взял бы его, независимо от того, кому он принадлежит.

Отслеживание было простым делом. Зверь был ранен и хромал из стороны в сторону, капельки засохшей крови, которые забрызгали землю свидетельством его боли и борьбы. Даже если бы он был ослеплен, следящий запах его ран привел бы его к себе. Из подлеска выделялись два разрушенных дерева, расщепленные большой силой, с разнесенными травами, грязь, брошенная во все стороны. С обломками, разбросанными со сломанными ветвями и измельченными лозами, изобилует, он был уверен в этом - это был логово краула.

Он должен был быстро убить его и уйти как можно быстрее. Он не мог нести с собой всю тушу;

кожу и внутренности он должен был бы оставить, чтобы облегчить свой груз. Это была бы его дань владельцу этих земель для охоты здесь, хотя он сомневался, что это будет принято добросовестно. Он не остановился, не колеблясь. Каждая секунда, потраченная впустую, была на секунду ближе к его смерти, и каждое мгновенное сердцебиение испытывало напряженность и нервозность, что могло быть последним.

Его ноги согнулись, сгорбив плечи, он глубоко вдохнул в легкие, чувствуя, как его ребра растягиваются в груди. С открытым горлом и раскрытым ртом он безумно завыл. Он хотел вызвать крауля угрозой. Внутри удушающая растительность будет препятствовать его движению, а маневренность и рефлексы, которые должны были помочь ему остаться в живых, будут ограничены. Он хотел, чтобы краул пришел к нему с дикой яростью. Ничто не было лучше, чем противник, ослепленный войной - это он знал по опыту. Существо было бы отвлечено, и он хотел, чтобы его первый удар в тот момент покалечил зверя.

С ревом, который встряхнул кости в позвоночнике, ожил яростный грохот, из чащи вырвалась громадная фигура в панике. Он владел громоздким телом с мощными поднятыми плечами, между которыми сидела голова, которая могла нарезать кость так же легко, как она могла нарезать растения, которые съела. Толстая пластина кости, усеянная тусклыми шипами, раздувалась над толстой шеей, защищая существо. Жилы на шее выделялись, тянувшись к широкой груди. Кость выгнулась из его спины, пробегая от широких плеч до конца короткого, короткого хвоста. Мышцы напрягались под толстой шкурой, когда он бежал, решетка седых рубцов на спине свидетельствовала о старых ранах. Массивная задняя часть толкала зверя вперед так сильно, что вокруг летела земля, пыль затуманилась позади нее, когда его широкие ноги демонстрировали безумную силу. Тем не менее, еще более ужасающими были предплечья, которые увеличились почти в два раза по сравнению с его задними ногами, массивными лопатообразными конечностями, которые разрушили камень и срубили лес, стоящий на пути его бессмысленного бега. Из его костяного лба вырос один сияющий пожелтевший рог, и он обладал тупой дикостью, которая могла разрушить скалу, а также кости. Два маленьких, сверкающих черных глаза ярко блестели на толстой, грязно-красной коже, которую даже его когти вряд ли могли бы прорвать

Это был прекрасный крауль, простой зверь власти и ярости. Он убьет его.

Этот крауль был старым и раненым, это он знал. Две блестящие косые черты шли по его левому флангу прямо по ноге, сверкая, как будто они только что исцелились, и снова были разорваны. Зверь изо всех сил старался двигаться прямо, бросая голову назад и вперед, когда он подпрыгивал, сильно ударяя по земле левой ногой, чтобы компенсировать разрушенную конечность. Несмотря на то, что он бежал прихрамывающей походкой, его возраст скорее бы принес смертный приступ, чем любая рана. Он был достаточно стар, что его шкура потеряла силу вокруг суставов, и эта слабость не будет упущена. Там он ударил.

Существо издавало громкий рев, который тряхнул землю и содрогнулся в суставах. Там не было страха, только гнев и сила, долго закаленные с осторожностью и настороженностью. Ему было бы хорошо проявлять осторожность. Его массивное тело стало внезапным размытым движением, когда на него навалился крик, рог опустился, ноги стучали. Он нырнул вправо, намереваясь выкарабкаться с его пути, но он повернул голову и поймал его сбоку.

Вспышка раскаленной боли пронеслась от колена до его ребер, когда его нога внезапно спотыкнулась. Он быстро обернулся и был встречен ударом толстого лба, который вытеснил воздух с его груди и бросил его на спину. Он выкашлял кровь из легких и попытался встать, но зверь набросился на него. Прежде чем он смог отреагировать, его мощная нога поехала по его груди с силой падающей горы, и он почувствовал сокрушение и щелканье, когда его кости

поддались под давлением. Кровь полетела изо рта, дрейфуя в горячем потоке, и его видение покраснело по краям.

Ярость наполнила его голову, когда он кашлянул густой, черной кровью, возмутился тем, что его поймали в этом положении. Эта боль, он чувствовал, что она окупится трижды. Это унижение, эта слабость, она окупится. Он был уверен в этом. Теперь его сердце мчалось безумно, когда адреналин попал в его вены. Его глаза были широкими, его мускулы были свободными и сильными. Еще один удар был быстрым, как молния, но он был слишком медленным. Он свернул с дороги и спрыгнул с земли, все еще покачиваясь на ногах. Массивный кратер в земле с перепончатыми трещинами наружу показал, что было бы, если бы он был более медленным. Зверь повернулся, поворачиваясь вокруг, чтобы махнуть головой, но он прыгнул через его спину, пробивая три линии крови над его боком. Он зарычал в гневе, отвратительный, грубый звук, когда его горло наполнялось кровью, и он медленно отступил, готовясь к его пришествию.

Когда зверь бежал, он оставался на низком уровне, избегая его гудящего рога и ныряя, пока он не ударил его. Бросив куски грязи и пыли, когда он остановил свой бег, безумный краул бросил свою голову в сторону, когда он повернулся, чтобы найти, куда пропал преступник. Именно тогда он ударил, вылетев из растительности с выпущенными когтями. Ему было нужно всего два пореза - по одному на каждой задней ноге - и даже самый большой зверь был бы сбит. Его когти никогда не подведут его, острее, чем любой нож, быстрее, чем любой нож, сильнее любой стали. Это был дар земли для него, и то, что они резали, кровоточило.

Это было то, что они сделали сейчас, и в мгновение старое животное не могло двигаться. Еще одна рана на горле заставила его кровоточить. Три длинных пореза на его лице ослепили глаза и послали кровь, бьющуюся в неустойчивом ритме. Окончательный, жестокий удар в грудь прорвался через кость и вырвал открытые ребра с однообразной дикостью. Его мускулы напрягались, когда он вырывал ребра, раздирая сухожилие и мышцы, и всякая плоть растянулась и разорвалась. Краул больше не проревел, больше не боролся. Он просто подергивался, валяясь в ошеломляющей боли. Он дернулся, когда тот вырвал его сердце.

Он тяжело дышал, не от боли, которая уже исчезла до скучного пульса, но от экстаза драки. От острых ощущений и удовольствия, которое проходило через его тело. Он закрыл глаза и позволил пульсации в его голове исчезнуть, спустившись с той высоты. Убийство кормило бы его, но если бы его поймали сейчас, нечего было бы кормить.

Он ел быстро. Кожу, в которой он не нуждался, было слишком сложно жевать. Затем он ел кишки, глотая их быстрыми, подергивающими глотками. Они скользнули ему в горло и оставили следы тепла. Слюна капал из угла рта, когда он ел, когти измельчали плоть и сухожилие, хватая жадные глотки мяса. Когда он закончил, его морда была запятнана темно-красным, а грудь бывшего короля была полая и пахла теплым гнилостным зловонием. В остальном он тащился за ним, когти, копавшие глубоко в плоть, когда он готовился бежать, но внезапное рык со спины остановил его. Это был звук, которого он ждал.

Это был звук, которого он боялся.

Пока он медленно поворачивался, его губы обнажили клыки, ноги пригнулись, он столкнулся со своим агрессором. Это был владелец этих земель; он знал это по запаху. Существо было огромным, неуклюжий зверь почти вдвое больше, чем он, тело покрыто толстыми мышцами. Красный мех покрывал те предплечья, которые мерцали толстой шкурой, когти могли разрывать веревки в ногах одним ударом. Но этот размер также был неудачным, потому что у зверя были маленькие глаза и широкая походка. Он был большой, но это также означало бы,

что он был медленным. В нем лежала его слабость, по которой он ударит.

Он мог сражаться, чтобы убить, но это принесло бы ему раны, которые он не мог себе позволить - не сейчас, когда он был так далеко от дома. Он мог бежать, но это означало бы оставить его жертву позади, и это было бы хуже, чем когда он начал. В одно мгновение он решил свой курс: два удара по ногам, чтобы покалечить, а затем он убежит. В этой битве не было бы никакой чести, но честь была мыслью, которую он не понимал, когда земля прошептала это ему в уши. Честь не спасет, когда ты будешь умирать. Честь не сделает тебя сильным. Честь не нужна в Дальних Землях.

Без звука, даже рычания, он бросил свою ношу на землю. Сейчас ему нужна была скорость. Скорость и мощность. Глаза зафиксировались на его цели, его ноги зарылись землю, когда он напрягся в процессе подготовки. Без предупреждения он плюнул пылью, образовавшейся в воздухе позади него, когда он нырнул низко с вытянутыми когтями, стремясь разорвать сухожилия и мышцы.

Он был медленным. Слабым. По его правой руке был нанесен удар, и он почувствовал, как она щелкнула. Боль была мучительной, но это не остановило его. Его рука упала на его сторону, но он ударил левой рукой, прорубив лицо черными когтями и ослепив своего врага. Не колеблясь, он прошел вниз по левой ноге, срывая мышцы и вырываясь в сторону. Кровь полетела в стороны, когда существо заревело от боли.

Он не остановился, его тело размылось. Возвращаясь с изяществом, которое опровергало ужасную ситуацию, он подхватил свою жертву, потащив его по земле позади него с каким-то неуверенным отчаянием и побежал. Возвратился к своим землям. Отправился обратно в свое логово. Вернемся туда, где мог зализать его раны. Вернулся туда, где земля будет держать его в безопасности. Он не оглядывался назад, даже когда рев агонии, гнева и унижения, которые разразились позади него, застыли у него в голове.

http://tl.rulate.ru/book/8591/162641